

Дух века

Фантастический рассказ

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2 М.: Худ. литература, 1971 С. 434-439

Каждый раз, когда Истоминым овладевал знакомый приступ лихорадки, он перебирался из своего комфортабельного, просторного кабинета в маленькую, тесную, темную комнату, которая служила в обыкновенное время гардеробной. Комната эта так и называлась в доме ?папиным лазаретом?. Кроме сундуков, в ней стоял диван старинного, неуклюжего фасона, жесткий и неудобный, с прорванной обивкой и вылезающей из нее наружу мочалкой. Этот ветхий предмет долго возмущал хозяйственную и аккуратную Веру Платоновну. Много раз поднимала она разговор о необходимости продать его старьевщикам и даже ссорилась по этому поводу с мужем, но Павел Егорович, всегда уступчивый, мягкий и покладистый в сношениях с людьми и совершенно равнодушный к мелочам жизни, оказывал в этом вопросе стойкое сопротивление.

-- Как! Продать старого, преданного, испытанного друга? - восклицал он, мешая, по своему обыкновению, шутку с искренним чувством.- Нет, это будет хуже чем предательство! Ведь сколько мы со стариком передумали и перечувствовали в мои лихорадочные ночи. И как верно служил он мне во время моих кошмаров. Он бывал для меня попеременно то лошадью с огненными ноздрями, то лодкой, то дельфином, то палубой корабля, то белым индийским слоном... Нет, я с ним не в силах расстаться, Верочка...

И действительно, только тогда Истомин начинал чувствовать себя немного лучше во время своих жестоких пароксизмов, когда водворялся на этом диване и покрывался старой-престарой, еще отцовской енотовой шубой, которая, так же как и диван, только на этот случай и держалась в доме. Очень может быть, что капризная любовь Истомина к дырявому дивану и к изъеденной молью шубе проистекала из какого-нибудь страшно отдаленного воспоминания о болезни, перенесенной в детстве, когда точно так же он лежал на старинном диване, покрытый чьей-то теплой, старенькой шубой.

Как только Павел Егорович водворился на диване, около него ставили столик со свечой, колокольчиком, стаканом холодного чаю и первым попавшимся под руку уголовным романом, потом все по его просьбе уходило, и он оставался один, пылая жаром, забываясь, и бредя, и зачитываясь в сознательные промежутки нелепыми похождениями кровавых героев. Кроме старого лакея, и то по звонку, никто не смел входить в комнату, потому что в этих случаях кротким, любящим Павлом Егоровичем овладевало сильнейшее раздражение: он начинал кричать, швырять бульварные романы об стену, сбрасывал на пол со столика стакан... С течением времени ему удалось ?дисциплинировать дом?, и его на все время болезни оставляли в полнейшем одиночестве. Вера Платоновна называла это причудами, самодурством, но сам Истомин глядел несколько иначе.

-- Видишь ли, Верочка, -- говорил он иногда в здоровые дни,- все страдания людей происходят оттого, что люди все больше и больше отдаляются от животных. Мы утратили их натуральную красоту, их грацию, силу и ловкость, их стойкость в борьбе с природой, живучесть. Но хуже всего, что сознание убило в людях инстинкты. Ты посмотри на собаку. Если она заболевает, она непременно норовит запрятаться куда-нибудь подальше от нескромных взоров. Хорошая собака никогда не умрет дома. Она убежит в укромное местечко и там сдохнет... Потому что она инстинктом понимает, что смерть представляет собой явление самое противоестественное и гнусное, зрелище самое грязное и омерзительное, и она, эта честная, великодушная, самоотверженная собака, скромно избавляет своих бывших друзей от необходимости созерцать самый отвратительный акт в мире. А человек... Человек все извратил, усложнил, перевернул о и в природе, и в самом себе... Доктора, ухаживание, притворство, постные мины, жалость к самому себе, умиление от жалости других - словом, то наслаждение страданием, о котором говорил великий писатель...

На этом месте Вера Платоновна обыкновенно перебивала мужа.

-- Ну да... Все вы, писатели, сумасшедшие. Ты -- хоть и не великий покамест, но в этом отношении и от самых больших не отстанешь...

Но она не могла на него сердиться, потому что эти немного жестокие слова встречались нежной,